

Г. В. СЕМЕНЧЕНКО

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО И ОФОРМЛЕНИЕ РУССКИХ ЗАВЕЩАНИЙ XIV—XV ВВ.

Изучение связей средневековой Руси с другими странами позволяет лучше понять ее место во всемирно-историческом процессе. Одним из важных направлений такого рода исследований является изучение русско-византийских связей. Русская церковь подчинялась Константинопольскому патриарху. Подавляющее большинство русских митрополитов XI—первой трети XV в. присылались из Константинополя. В средневековом обществе, «во всех областях умственной деятельности» которого отмечалось господство «богословия»¹, все это не могло пройти бесследно. Русско-византийские связи наложили определенный отпечаток и на такую важную сферу жизни русского общества, как право. Я. Н. Щапов показал, что уже в XI в. отдельные нормы Эклоги и Прохирона (византийских законодательных памятников соответственно VIII и IX вв.) были переведены на русский язык. В конце XIII в. на Руси стали известны полные тексты Эклоги и Прохирона². Полный текст Прохирона помещался в сборниках, предназначенных для княжеского суда (таких, как Мерило Праведное), полный текст Эклоги, по наблюдению Я. Н. Щапова, был в середине XIV в. включен в состав Чудовской кормчей. Это говорит об интересе русских юристов к нормам византийского права и позволяет предположить непосредственное использование некоторых византийских установлений в русском праве, начиная, во всяком случае, с конца XIII—XIV в. Важной проблемой, решение которой еще впереди, как раз и является конкретное выявление тех областей русского права, где ощущалось влияние византийского законодательства, определение границ применимости византийских норм к русским условиям, их взаимодействие с русским законодательством. Данной статьей автор хочет внести некоторый вклад в решение этой проблемы, взявшись за изучение влияния византийского права на оформление и содержание русских завещаний XIV—XV вв.³⁻⁴ Постановка вопроса о вероятности византийского влияния на русские завещания указанного периода имеет веские основания. Наследственное право было в числе тех самых дел, которые с XI в. отчасти

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 360.

² Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1976. Подробную характеристику Эклоги и Прохирона см.: Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981.

³⁻⁴ От XIV—XV вв. дошел достаточно многочисленный корпус завещаний, комплексное изучение которых позволяет установить общие особенности их формуляра и содержания. От XII—XIII вв. дошло лишь два завещания (подлинность одного из них оспаривается рядом исследователей), и выявление общих особенностей завещаний этого периода на основании столь незначительного материала невозможно. Отмеченные ниже черты византийского права в этих грамотах не прослеживаются. Анализ многочисленных завещаний более позднего времени с точки зрения вероятного влияния на них византийских правовых норм в будущем должен стать предметом специального исследования.

перешли в ведение церковных судов⁵, а дошедшие до нас письменные завещания XIV—XV вв. утверждались высшими церковными инстанциями (митрополичьей или владычной кафедрой). Это было одним из каналов, по которому могло проникать византийское влияние на формуляр и содержание завещаний. Во всяком случае, вышедшие из русских церковных кругов источники, посвященные наследственному праву, — я имею в виду текст «О умирании» Закона Судного людем Пространной редакции и «Поучение Великого святого отца Василия» — несут, как мы увидим ниже, явные следы влияния на них норм Эклоги и Прохирона⁶.

В начальной части многих завещаний XIV—XV вв. фигурирует статья об умственной полноценности завещателя («своим целым умом», «своим целым смыслом» и т. д.). Она есть почти во всех духовных светских вотчинников и церковных иерархов Северо-Восточной Руси⁷, в завещаниях князей московского дома⁸. А в новгородских и псковских завещаниях статья об умственной полноценности обычно отсутствует⁹. «Русская Правда», Псковская Судная грамота, Судебники XV—XVI вв., Уставы Владимира и Ярослава не формулировали правила, по которому психически неполноценные люди не имели права завещательного распоряжения¹⁰. А ставшие полностью известными на Руси в конце XIII в. Эклога и Прохирон, а также Пространная редакция Закона Судного людем (русский памятник конца XIII—начала XIV в., на постановления которого большое влияние оказал русский перевод Эклоги и Прохирона¹¹) указывают на психическую полноценность завещателя как на необходимое условие законности его распоряжений¹². Статьи о написании завещаний «целым умом» почти дословно соотносятся с той статьей Пространной редакции Закона Судного людем (далее: ЗСЛП), где говорится о написании завещания «сдравым ходящим и целым умом» (что заставляет учитывать возможность прямого влияния ЗСЛП на формуляр завещаний).

⁵ Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 338—352.

⁶ Византийское влияние в наибольшей мере должно было ощущаться в тех сферах русского права, которые были подведомственны церковной юрисдикции, так как церковь была связующим звеном между Русью и Византией.

⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (далее: АСЭИ). М., 1952, т. I, № 11, 108, 228, 251, 253, 394, 450, 456, 457, 472, 499, 562, 612; М., 1953, т. II, № 87, 168, 314, 361, 474; М., 1964, т. III, № 28, 67, 67а, 68, 100, 146, 252, 254, 484, 494; Акты феодального землевладения и хозяйства XV—XVII вв. (далее: АФЗХ). М., 1956, ч. II, № 15; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (далее: Д и ДГ). М.: Л., 1950, № 86; Акты исторические (далее: АИ). СПб., 1841, т. 1, № 255; Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). СПб., 1853, т. 6, с. 133, 141. Лишь в 4 грамотах (АСЭИ, т. I, № 33, 501; т. II, № 357; т. III, № 68) нет статьи об умственной полноценности завещателя.

⁸ Д и ДГ, № 1, 3, 4, 12, 17, 28, 29, 57, 61, 68, 71, 74, 80, 87, 88, 89.

⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее: ГВНП). М.; Л., 1949. № 105, 110, 111, 120, 126, 129, 144, 157, 169, 170, 176, 210, 217, 225, 234, 239, 244, 257, 258, 259, 265, 295, 322; *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, № 7; *Он же.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. — Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969, № 3; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, № 8, 12, 15, 18, 30, 31, 33, 34, 35. Исключение — несколько завещаний, относящихся к Подвинью, куда шла колонизация с Северо-Востока Руси, переселенцы из которой и заносили некоторые традиции оформления завещаний, принятые на Северо-Востоке (ГВНП, № 226, 230, 256, 263, 271, 320).

¹⁰ Еще в конце XVII в. был случай, когда имуществом распоряжались «глухие». См.: *Дебольский Н. Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву до XVII в. СПб., 1903, с. 43—46.

¹¹ Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции (далее: ЗСЛПС). М., 1961, с. 17—21.

¹² Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. М., 1969, с. 52; *Рождественский Н.* Историческое изложение русского законодательства о наследстве. СПб., 1839, с. 15; ЗСЛПС, с. 149.

Итак, вероятно влияние правовых норм Эклоги и Прохирона (правда, скорее всего, опосредованное — через ЗСЛП) на статью о психической полноценности составителя духовной. Причем прослеживается влияние византийских правовых норм на формуляр завещаний, относящихся преимущественно к Северо-Восточной Руси.

При 17 из 29 завещаний вотчинников Северо-Восточной Руси послушествует столько же свидетелей, сколько их предусмотрено по Эклоге, — 3, 5 или 7¹³, при 10 завещаниях — на одного больше — 4, 6 или 8¹⁴. В этом последнем случае нормы Эклоги, вероятно, модифицировались под влиянием древнерусской традиции послушества при завещании единственного послуха, отца духовного завещателя. В литературе отмечалось наличие на Руси XIV—XV вв. завещаний со статьей типа «а не то бог послух и отец мой духовный имярек». Л. М. Марасинова и Ю. Г. Алексеев правильно подметили, что она характерна для псковских «рукописаний»¹⁵. И при большинстве новгородских «рукописаний» послушествует только «отец духовный» завещателя¹⁶. Он послушествовал и почти при всех духовных вотчинников Северо-Восточной Руси¹⁷. Причем в 11 грамотах из 29 он особой статьей выделен из числа прочих послухов¹⁸. Отношение к отцу духовному завещателя как к послуху особого рода (восходящее к новгородско-псковской традиции оформления завещаний), прибавление его к положенным по Эклоге 3, 5, 7 послухам — мужам и могли порождать завещания с четным (4, 6, 8) числом послухов.

Итак, в 27 из 29 грамот вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. ощущается непосредственное или видоизмененное влияние византийских правил оформления завещаний. На оформлении духовных Андриана Ярлыка (9 послухов) и Марьи Копниной (10 послухов) могло сказаться влияние ЗСЛП, по которому при завещании должно было послушествовать «не мене седми (послухов. — Г. С.) от того града, идеже живут, или от то вси, или аще откуду пришли будут». Составленное под вероятным воздействием норм Эклоги и Прохирона¹⁹, это постановление

¹³ В восьми случаях (АСЭИ, т. I, № 38, 450, 456, 499, 612; т. II, № 100; т. III, № 404; Д и ДГ, № 86) при духовной послушествуют трое послухов, в шести (АСЭИ, т. I, № 11, 108, 251, 472; т. II, № 168; т. III, № 67) — пятеро, в трех (АСЭИ, т. I, № 228; т. III, № 67а, 68) — семеро.

¹⁴ В семи случаях (АСЭИ, т. I, № 253, 394, 562; т. II, № 87, 474; т. III, № 254, 494) при завещании было четыре послуха, в трех (АИ, т. I, № 255; АСЭИ, т. III, № 484; АФЗХ, ч. II, № 15) — шесть.

¹⁵ Руднев Л. И. О духовных завещателях по русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1895, с. 52; Беляев П. И. Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания. М., 1897, с. 87—93; Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980, с. 95, примеч. 12; Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв., с. 38—39.

¹⁶ ГВНП, № 110, 111, 120, 126, 129, 144, 169, 170, 217, 244, 250, 257, 259, 295, 320, 328; Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV в..., № 7; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981, с. 176—177. Лишь при девяти двинских завещаниях, составленных, возможно, выходцами из Северо-Восточной Руси, послушествуют несколько послухов: при четырех грамотах — три послуха, при двух — пять, при двух — четыре, при одной — девять. В большинстве завещаний этой группы, таким образом, также заметно влияние Эклоги (ГВНП, № 155, 210, 226, 230, 234, 239, 256, 263, 271).

¹⁷ АИ, т. I, № 255; АСЭИ, т. I, № 11, 108, 251, 253, 394, 450, 457, 479, 499, 562, 612; т. II, № 87, 168, 361, 474; т. III, № 67, 67а, 68, 100, 254, 404, 484, 494; АФЗХ, ч. II, № 15; Д и ДГ, № 86. Прямых упоминаний об отце духовном нет в духовных Василия Воронина и Марьи Петелиной. Но среди послухов при духовной Марьи Петелиной было три духовных лица, один из которых мог быть ее духовным отцом. «Отцом духовным» Василия, скорее всего, был троцкий игумен Никон, названный «господином» завещателя.

¹⁸ АИ, т. I, № 255; АСЭИ, т. I, № 11, 456, 472, 612; т. II, № 87; т. III, № 67а, 68, 254, 484, 494.

¹⁹ АСЭИ, т. I, 457; т. II, № 361; ЗСЛПС, с. 149. По Эклоге и Прохирону, именно 7 — наиболее предпочтительное число послухов. По составленному в XIV в. Поучению великого святого отца Василия, при завещании должно было послушествовать 7 послухов. См.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941, с. 59—61.

вносило в них определенные изменения: семь становилось не максимальным, а минимальным числом послухов. И число послухов в грамотах Андриана Ярлыка и Марьи Петелиной соответствует нормам ЗСЛП (не противоречит им и послушество 7 или 8 послухов).

В шести завещаниях князей московского дома упомянуто столько послухов, сколько их положено по Эклоге, — 3, 5, 7; в восьми — на одного больше — 4, 6²⁰. Юрий Галицкий пишет грамоту «перед бояры», количество которых неясно. При втором завещании Дмитрия Донского послушествовало 12 послухов. Новгородско-псковская традиция послушества одного «отца духовного» определенно дала о себе знать в грамоте Елены Ольгердовны²¹. Влияние византийских правовых норм на удостоверительную часть княжеских духовных очевидно.

То, что на завещания Северо-Восточной Руси некоторое влияние оказывала и новгородско-псковская традиция послушества «отца духовного», говорит, думается, о более позднем становлении формуляра письменного завещания на Северо-Востоке²². Новгородско-псковская традиция послушества при завещании «отца духовного», скорее всего, восходит к XI—XII вв., когда юрисдикция по делам о наследстве частично переходит в руки церковных инстанций. Присутствие при завещании «отца духовного» могло быть первичной формой контроля церкви над составлением завещания.

Постановление Прохирона о близости функций писца грамоты к функциям свидетелей при завещании²³ находит определенное отражение в практике оформления духовных грамот Северовосточной Руси XIV—XV вв. При «явке» духовной митрополиту опрашивались не только послухи (они подтверждали, что грамота писана «перед ними»), но и писец (он подтверждал, что «писал» завещание²⁴). В одной духовной статья о послушестве слилась со статьей о писце грамоты²⁵.

Соответствие удостоверительных статей завещаний Северовосточной Руси XIV—XV вв. византийским правовым нормам было, конечно, относительным. На число послухов при грамотах Северовосточной Руси влияли русские правовые традиции (традиция послушества при грамоте отца духовного) и законодательные источники (ЗСЛП). По Прохирону, тот, кто получал что-либо по завещанию, не мог быть свидетелем²⁶. А при многих завещаниях вотчинников Северовосточной Руси в числе послухов присутствовал кто-либо из лиц, причастных к наследованию по завещанию²⁷.

²⁰ Д и ДГ, № 3, 4, 8, 17, 20—22, 29, 57, 61, 68, 71, 74, 80.

²¹ Д и ДГ, № 12, 28, 29. Модифицированное влияние этой традиции проявилось в духовной Дмитрия Донского: по ЗСЛПС (с. 145), послушество 12 мирян заменило послушество попа.

²² На более раннем становлении формуляра той группы завещаний, которая упоминала единственного послуха — «отца духовного», настаивал и П. Полежаев, не отметивший, однако, что такого рода завещания XIV—XV вв. характерны для Северо-Западной Руси. См.: *Полежаев П.* О завещаниях. — В кн.: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. СПб., 1858, кн. 1, с. 38—39. Не очень ясна мысль Ю. Г. Алексеева, что «свидетельство попа, замещающее все остальные (послушество 3, 5, 7 человек в соответствии с нормами Эклоги. — Г. С.), говорит о том, что псковские рукописания — относительно более позднее явление» (*Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 95, примеч. 12). Конечно, псковские (и новгородские) «рукописания» — более позднее явление, чем возникшая в VIII в. византийская Эклога. Но если речь идет о том, что псковские «рукописания» — более позднее явление по сравнению с завещаниями, оформленными в соответствии с нормами Эклоги, то с этим трудно согласиться.

²³ *Рождественский Н.* Указ. соч., с. 19—20.

²⁴ АСЭИ, т. I, № 108, 251, 253, 394, 450, 456, 499, 562, 612; т. II, № 361, 474; т. III, № 67, 67а, 68, 100; АФЭХ, ч. II, № 15.

²⁵ АСЭИ, т. I, № 472.

²⁶ *Рождественский Н.* Указ. соч., с. 19—20.

²⁷ При 13 завещаниях из 29 есть послухи, имеющие отношение к завещаемому имуществу (АСЭИ, т. I, № 11, 108, 251, 253, 450, 457, 499; т. II, № 87, 361, 474; т. III, № 100, 254, 424).

Прослеживается ли влияние византийских правовых норм на такой компонент удостоверения, как запечатывание грамот? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вначале установить, как в XIV—XV вв. на Руси запечатывались завещания.

В трех случаях в митрополичьей канцелярии, где после смерти завещателя утверждались духовные грамоты вотчинников Северо-Восточной Руси, по-видимому, потребовали привешивания печатей всех бывших там в момент утверждения грамоты участников ее оформления — послухов, писцов, а в двух из трех грамот — еще и душеприказчиков. Духовная князя Галицкого, дошедшая в списке конца XVI в., оканчивается статьей: «А яз Иван (брат и душеприказчик завещателя. — Г. С.) печатал печатью Воронцовою (очевидно, Воронца Степанова, послуха при духовной. — Г. С.), а поп Яков да Лазарь (поп Яков и Лазарь Исаков — послухи при духовной. — Г. С.) хрестцом». Но, описывая духовную, составители троицкой копийной книги конца XVI в. отмечают: «А у грамоты 6 печатей». Очевидно, в митрополичьей канцелярии потребовали, чтобы к духовной привесили печати всех шести активных гарантов духовной — пяти послухов, а также душеприказчика и писца духовной Ивана Васильевича Галицкого²⁸. В подлинниках грамот Есипа Дмитриевича Окинфова и Ивана Юрьевича Патрикеева нет заключающей большинство завещаний статьи о запечатывании грамоты печатью²⁹. Но к духовной Ивана Юрьевича привешены семь печатей, а на грамоте Есипа Дмитриевича сохранились следы прикрепления пяти печатей³⁰. Отсутствие статьи о запечатывании этих грамот наводит на мысль, что печати привесили не при составлении духовных, а при их утверждении в митрополичьей канцелярии.

Известны владельцы трех из семи печатей Ивана Юрьевича: две из них принадлежали душеприказчикам Ивана — его жене Авдотье и зятю князю Семену Ряполовскому, одна — послуху при духовной Ивану Владимировичу Ховрину. Очевидно, еще четыре печати принадлежали другим душеприказчикам (сыновьям Патрикеева Василию и Ивану) и послухам (Дмитрию Ивановичу Головину и богородскому попу Игнатию). Чьи печати были на грамоте Есипа Дмитриевича, можно лишь догадываться. При его грамоте три душеприказчика (братья Яков и Тимофей Одинец, а также Григорий Печенегов), три послуха (воскресенский поп Михаил, люди великого князя Кощей и Арефа Горло), писал ее Рубец. Кощей и Арефа в момент «явки» духовной сидели в осаде в Плесе³¹. Остается как раз пять активных участников оформления и гарантов грамоты. Вероятно, сохранились следы прикрепления именно их печатей.

Еще шесть грамот вотчинников Северо-Восточной Руси XV в., дошедшие в подлиннике, содержат как статью о запечатывании их печатью (печатами), так и печать (печати) или следы их прикрепления. Печать была привешена к подлиннику духовной митрополита Алексея (до нас не дошедшему)³². В 12 списках и выписях с подлинников есть заключающая текст статья о запечатывании грамоты печатью³³. Из 22 грамот, определенно имевших печати, 11 запечатаны печатью духовного отца³⁴, одна — печатью душеприказчика³⁵, три завещания — печатью самого за-

²⁸ АСЭИ, т. I, № 108, с. 87; ГБЛ, АТСЛ, кн. 521, л. 64 об.

²⁹ АСЭИ, т. I, № 11, 38, 108, 251, 324, 450, 457, 472, 492; т. II, № 168, 361; т. III, № 67, 67а, 68, 404, 484, 494; АФЗХ, ч. II, № 15.

³⁰ ЦГАДА, Государственное древлехранение, отд. 1, рубр. II, № 323; ЛОИИ, собр. Н. Н. Головина, № 24.

³¹ АСЭИ, т. III, № 100, с. 138.

³² АСЭИ, т. I, № 11, 251, 457; т. II, № 361; т. III, № 28, 67а, 68.

³³ Там же, т. I, № 38, 394, 450, 456, 472, 499; т. II, № 168; т. III, № 67, 404, 484, 494; АФЗХ, ч. II, № 15.

³⁴ АСЭИ, т. I, № 394, 456, 472, 499; т. II, № 168, 361; т. III, № 67, 68, 484, 494; АФЗХ, ч. II, № 15.

³⁵ АСЭИ, т. I, № 450.

вещателя³⁶. Духовную Патрикея Строева запечатали одной печатью все послухи, духовную Степана Лазарева — все послухи и писец грамоты³⁷. В пяти случаях к духовной привешивалось несколько печатей каждого из послухов, а иногда еще душеприказчиков и писца³⁸.

В оценке важности печатей как компонента удостоверения духовных, видимо, были колебания. Выше обращено внимание на три случая, когда церковные инстанции посчитали изъяном отсутствие или недостаточное количество печатей. Но, возможно, были и случаи безразличного отношения к отсутствию печатей на завещании. Нет данных о запечатывании грамот Федосьи, Геронтия Линяка, Марии Петелиной, Григория Симонова, Василия Иватина, Василия Борисовича Тучко-Морозова, Семена Наквасы. Правда, почти все они — списки с подлинников (а духовная Григория Симонова — только выписка из завещания). Но духовная Семена Наквасы явно дошла в подлиннике (привешенная к этой грамоте печать суздальского епископа Ефимия — знак удостоверения юридической силы духовной церковными властями, а не лицами, участвовавшими в составлении этой духовной). Очевидно, в XV в. печати были сравнительно менее важным компонентом удостоверения духовных грамот Северо-Восточной Руси, чем статьи о послухах при грамоте и писце ее (эти статьи — неотъемлемая часть формуляра завещаний).

Но в целом печати активных участников оформления завещания в XV в. характерны для грамот вотчинников Северо-Восточной Руси. И некоторое соответствие порядка их запечатления нормам Эклоги и Прохирона можно отметить. По этим памятникам, либо к завещанию прикладывал свою печать каждый из послухов (Эклога и Прохирон), либо все послухи должны были запечатать грамоту одной печатью (Прохирон)³⁹. Большинство запечатанных завещаний вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. (18 из 22) подходят (хотя и с оговорками) под эти два случая. Мы видели, что печати прикладывал либо каждый из послухов (к ним иной раз добавляются такие активные участники оформления завещания, как душеприказчики и писец грамоты. Так что принцип Эклоги—Прохирона в известной мере видоизменялся)⁴⁰, либо все послухи для запечатывания грамоты использовали одну печать. Обычно имеет место модификация нормы Прохирона о запечатывании грамоты одной общей печатью всеми послухами: грамота запечатывается печатью одного послуха — отца духовного. Однако для двух грамот — Патрикея Строева и Степана Лазарева — характерно почти буквальное следование Прохирону. Эти духовные одной общей печатью запечатывают все послухи (грамоту Семена еще и писец)⁴¹.

Следы византийского правового влияния в порядке запечатывания духовных князей московского дома XIV—начала XVI в. почти неощутимы. Завещания великих князей обычно запечатывались их собственной печатью, а иногда еще и печатью митрополита (который в число послухов не входил)⁴². Удельнокняжеские завещания не запечатывались вовсе либо запечатывались печатью самого завещателя, его писца или отца духовного (последний случай можно с известными оговорками связать с византийской традицией оформления завещания)⁴³. Не ощущается ви-

³⁶ Там же, т. I, № 38, 254; т. III, № 28.

³⁷ Там же, т. I, № 14; т. III, № 67a.

³⁸ Там же, т. I, № 408, 457; т. III, № 100, 404; Д и ДГ, № 86.

³⁹ Эклога, с. 52; *Рождественский Н.* Указ. соч., с. 19—20.

⁴⁰ АСЭИ, т. I, № 108, 457; т. III, № 100, 404; Д и ДГ, № 86.

⁴¹ АСЭИ, т. I, № 11, 394, 456, 472, 499; т. II, № 168, 361; т. III, № 67, 67a, 68, 484, 494; АФЗХ, т. II, № 15.

⁴² Д и ДГ, № 1, 3, 4, 8, 12, 20, 22, 57, 61. Духовная Ивана III дошла в списке, и неясно, какие печати были к ней привешены. Ко второму завещанию Василия Дмитриевича были привешены печати трех душеприказчиков — братьев Андрея, Петра, Константина Дмитриевичей.

⁴³ Д и ДГ, № 17, 29, 74, 88, 98 (дошли в списке); 28, 87, 99 (дошли в подлиннике и не имеют печати); 68 (печать писца); 71 (печать отца духовного); 80 (печать завещателя).

зантийское влияние и в практике запечатывания новгородских и псковских «рукописаний»⁴⁴.

Постановление Эклоги и Прохирона, в соответствии с которым свидетели при завещаниях должны были не только прикладывать печати, но и расписываться, в практике оформления русских завещаний XIV—XV вв. не применялось⁴⁵.

Не исключено известное влияние византийских правовых норм на структуру основного текста духовных грамот Северо-Восточной Руси. По Эклоге, «если наследник имеет сведения об оставленном ему наследстве и знает, что имеются долги, то пусть в присутствии свидетелей, достойных доверия, будет произведена опись имущества и пусть будет выявлена его ценность, и сначала должны быть удовлетворены кредиторы, а затем, что останется, пусть будет передано наследнику»⁴⁶. Может быть, традиция открывать распоряжения об имуществе в духовных Северо-Восточной Руси перечнем займов-кредитов вышла как раз из постановления «и сначала должны быть удовлетворены кредиторы, а затем, что останется, пусть будет передано наследнику». На Северо-Востоке Руси наследник, вступая в управление наследством, начинал с расчетов с кредиторами и должниками покойного. Об этом говорит наличие на обороте многих духовных грамот помет о погашении займов и кредитов⁴⁷. Известным аргументом в пользу предположения о нерусском влиянии на традицию начинать распоряжения о судьбе завещаемого имущества с перечня займов и кредитов может, видимо, служить тот факт, что в новгородских «рукописаниях» (формуляр которых не несет никаких следов византийского влияния и восходит к формуляру древнерусского письменного завещания) перечни займов и кредитов не начинают, а обычно завершают описание имущества завещателя⁴⁸.

Укажем на случай применения византийских правовых норм для обоснования законности завещательного распоряжения, оформленного духовной. В июне 1404 г. некая Федосья обратилась к митрополиту Киприану, прося его обеспечить ей возможность дожить вдовой в вотчине мужа и завещать эту вотчину пасынку Тимошке. Киприан нашел в Номоканоне постановление, согласно которому «жена наследует стяжания

⁴⁴ К ним прикладывались печати владычных наместников. См.: ГВНП; № 126, 144, 155, 169, 170, 210, 225, 226, 234, 239, 244, 250, 256, 257, 320; *Марасинова Л. М.* Указ. соч., № 8, 10, 14, 15, 30, 31, 33, 34, 36.

⁴⁵ Позднее, в XVI в., послухи при актах, в том числе и при завещаниях, расписывались на обороте грамот. Но печати к частным актам в XVI в. обычно уже не прикладывались.

⁴⁶ Эклога, с. 54.

⁴⁷ АСЭИ, т. I, № 11, 38, 108, 251, 394, 450, 457, 472, 499, 501, 562, 612; т. II, № 87, 168, 361, 474; т. III, № 67, 67а, 68, 100; АФЗХ, ч. II, № 15. На обороте новгородских «рукописаний» такие пометы отсутствуют. См.: ГВНП, № 110, 111, 120, 126, 129, 144, 155, 169, 170, 210, 217, 226, 230, 234, 239, 244, 250, 256, 257, 259, 263, 265, 271, 295, 320, 328; *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. ..., № 7; *Он же.* Вновь открытые новгородские грамоты..., № 3.

⁴⁸ ГВНП, № 105, 110, 111, 144, 226, 230, 256, 257. Исключение — три двинских завещания (ГВНП, № 263, 265, 271), которые, по вероятному предположению В. Ф. Андреева (*Андреев В. Ф.* Новгородские духовные XII—XV вв. — В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1982, вып. XIII, с. 135, примеч. 18), написаны после присоединения Новгорода к Москве. В Пскове, возможно, было принято оформлять два завещания: одно — касающееся займов и кредитов (*Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1970, с. 368—369), другое — земли. Ни в одном из дошедших до нас девяти псковских «рукописаний» нет перечня займов и кредитов (*Марасинова Л. М.* Указ. соч., № 8, 10, 14, 15, 30, 31, 33, 34, 36). Отсутствие сведений о них в сравнительно небольшой группе дошедших до нас «рукописаний» не может служить бесспорным доказательством в пользу гипотезы об оформлении псковитянином двух «рукописаний». Но обращение к «рукописанию» 1417—1421 гг. жены князя Федора Акулины дает более твердые основания в пользу этой гипотезы. В «рукописании» перечня займов и кредитов нет. Но завещательница просит душеприказчиков два двора «продати собе на память и долг олесть». Значит, долги, не упомянутые в тексте «рукописания», у нее имелись.

мужа своего», если он умрет, не оставив завещания. Митрополит прочел также, что «приимник» «...равен с детьми родными, и тому (приемному сыну. — Г. С.) такова же доля, а не будет детей родных, наследует отца и мать, приимших его, аже будет сын или дщи приимник». По этим «законным правилам» он разрешил Федосье «сесть в своем доме», управлять землей и людьми, «душевную грамоту списати о стяжании мужа своего и о своем, и о душе мужа своего и о своей», завещать имущество Тимошке⁴⁹.

По «Русской Правде», женщина могла пожизненно владеть лишь частью имущества с условием его возвращения в род мужа после смерти⁵⁰. В случае бездетности мужа мог действовать принцип ст. 13 договора 911 г. русских с греками: при отсутствии «своих» (детей) наследство в основном переходило к боковым родственникам («малым ближикам») ⁵¹. По Псковской Судной грамоте, бездетные супруги в случае смерти без завещания одного из них уже пожизненно или до вторичного брака наследовали друг другу с возвращением в дальнейшем имущества в род покойного супруга⁵². Но на Северо-Востоке Руси (а завещание Федосьи относится именно к этому региону⁵³) традиции древнерусского права ощущались сильнее. По Судебникам 1497 г. и 1550 г., отражавшим при не изжитой до конца феодальной раздробленности преимущественно положение дел на Северо-Востоке Руси, в случае смерти без завещания бездетного человека, «ино взяти ближнему от его роду»⁵⁴ (т. е. все сразу переходило к боковым родственникам, а не к жене). Таким образом, Киприан не случайно ищет обоснование прав Федосьи на наследование бездетному супругу в Номоканоне, а не в памятниках русского права, с точки зрения которых претензии Федосьи уязвимы (с точки зрения принятых на Северо-Востоке Руси в XIV—XV вв. традиций наследования могли быть оспорены даже права завещательницы на пожизненное владение всем имуществом покойного мужа).

Еще более сомнительно право Федосьи завещать имущество приемному сыну. Ни «Русская Правда», ни Псковская Судная грамота, ни Судебники 1497 и 1550 гг. не знают равенства прав приемных и родных детей и права жены передавать наследство мужа в другой род (а переход наследства Филиппа к Тимошке есть переход наследства из рода Филиппа в чужой род). Весомее выглядят права на наследство упомянутых в завещании Федосьи ее деверя (брата мужа) Хлюпы и его сына⁵⁵. Поэтому неудивительно, что Киприан, разрешив Федосье написать завещание в пользу Тимошки, добавил: «...а иный бы никто не вступался через сие законы и управление наше»⁵⁶.

Применение византийских правовых норм для обоснования законности русских завещаний XV в. не должно удивлять. В XV в. на Руси (во всяком случае, на Северо-Востоке Руси) важное практическое значение сохраняли нормы «Русской Правды». А в основе статей о наследстве «Русской Правды» лежали нормы обычного права, выработанные в условиях дофеодального и раннефеодального общества. Их пронизывала идея о нерушимости родовой собственности⁵⁷. В XV в., когда феодальные отноше-

⁴⁹ АИ, т. I, № 255, с. 484.

⁵⁰ Памятники русского права (далее: ПРП). М., 1952, вып. 1, с. 118—119; Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 97.

⁵¹ ПРП, вып. 1, с. 9.

⁵² Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 103—105.

⁵³ Грамота, имеющая все признаки завещаний Северо-Восточной Руси (Андреев В. Ф. Указ. соч., с. 131—148), составлялась в митрополичьей канцелярии.

⁵⁴ Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952, с. 27, 174.

⁵⁵ АИ, т. I, № 255, с. 434.

⁵⁶ В соответствии с полученным разрешением Горетовское «с людьми» Федосья завещает Тимошке, деверь Хлюпа и его сын «при животе» Федосьи получают двух лошаков, а «по животе» ее еще одного лошака, стог ржи и сто копен сена, некий Рышка получил коня, Сидор Перепечин — починок Неберещенный.

⁵⁷ Зимин А. А. Традиции Правды Русской в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982, с. 189—

пия на Руси приобрели достаточную степень зрелости, статьи о наследстве «Русской Правды» устарели и во многом не отвечали новым условиям. И тут на помощь приходят нормы права, выработанные в Византии.

Подведем итоги.

1. Правила оформления завещаний, зафиксированные в Эклоге и Прохироне, оказали определенное влияние на формуляр завещаний Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. (степень влияния этих норм на формуляр более поздних завещаний предстоит еще выяснить). Это влияние в большей мере отразилось в формуле грамот вотчинников Северо-Восточной Руси и в меньшей — в формуляре князей московского дома. Рекомендации митрополичьей канцелярии по оформлению княжеских завещаний не могли быть обязательными (ведь светская власть была выше церковной)⁵⁸, а ее рекомендации относительно оформления духовных грамот частных лиц, видимо, были обязательны для исполнения (как это мы видели на примере тех трех грамот, к которым по указанию митрополита были привешены печати всех активных участников оформления духовной).

2. Влияние византийских правил оформления завещаний на формуляр новгородских и псковских «рукописаний» XIV—XV вв. почти не прослеживается⁵⁹. Очевидно, это связано с рядом причин. Для формуляра новгородских и псковских «рукописаний» характерны архаизмы, говорящие о довольно раннем (XII—XIII вв.) становлении их формуляра⁶⁰. Не исключено, что к концу XIII—началу XIV в., когда на Руси стали известны полные переводы Эклоги и Прохирона⁶¹, формуляр завещаний Северо-Западной Руси в основных своих чертах сложился и в силу этого потерял восприимчивость к новым формулам и статьям.

Контроль церковных инстанций над оформлением завещаний характерен для Новгорода и Пскова (к новгородским и псковским «рукописаниям», повторим, привешивалась печать владычного наместника), но, может быть, там он был менее жестким, чем на Северо-Востоке Руси. Фактов, говорящих о непосредственном контроле самого новгородского владыки над процессом составления и оформления новгородских и псковских «рукописаний», нет. А оформление духовных грамот вотчинниками Северо-Восточной Руси контролировалось непосредственно митрополитами. Причем в первой трети XV в., когда процесс становления формуляра завещаний вотчинников Северо-Восточной Руси шел, по-видимому,

203; *Он же*. Феодальная государственность и «Русская Правда». — Исторические записки, 1965, кн. 76, с. 244—250; *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч., с. 92—119.

⁵⁸ К завещаниям большинства удельных князей московского дома (которые писались вне Москвы) печать митрополита не привешена (Д и ДГ, № 17, 28, 29, 68, 71, 74, 87, 88, 98). Значит, утверждение митрополитами княжеских завещаний было не обязательно. Наличие митрополичьей печати при великокняжеских завещаниях следует, видимо, объяснить в значительной мере тем, что они составлялись в Москве, где находилась и резиденция митрополита. В то же время завещания частных лиц, живущих как на территории великокняжеского домена, так и в уделах, утверждались митрополитом.

⁵⁹ Исключение, повторим, — некоторые двинские грамоты, написанные, весьма вероятно, переселенцами из Северо-Восточной Руси.

⁶⁰ В некоторых псковских завещаниях формула «учиних ряд» заменяет формулу о составлении «рукописания» (*Марасинова Л. М.* Указ. соч., № 24, 33, 34, 36). В X—XII вв. слово «ряд» служило, в частности, для обозначения завещательного распоряжения (ПРП, вып. 1, с. 9, 119; ПСРП, т. I, с. 69), хотя чаще всего «ряд» обозначал договор. Санкция за нарушение завещания, характерная для новгородских и псковских «рукописаний» XIV—XV вв., — суд перед богом с нарушителем грамоты — свойственна актам XII в. См.: *Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.). — Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975, с. 109. Выше автор высказал предположение, что в XII в., возможно, уходит корнями и традиция послушества при завещании отца духовного. Наличие архаических черт в формуляре «рукописаний» Северо-Западной Руси говорит об относительно раннем становлении их формуляра. Думается, формуляром новгородских и псковских «рукописаний» представлена уходящая в домонгольское время древнерусская традиция написания завещаний.

⁶¹ *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие..., с. 234—255.

очень интенсивно, бытовала, как мы видели, даже практика непосредственного участия митрополита в составлении завещания⁶². А если учесть, что в тот период митрополичий стол занимали митрополиты, присланные на Русь из Константинополя — Киприан и Фотий, то понятно, сколь благоприятной была почва для перенесения на русскую почву византийских традиций оформления завещаний. И наконец, нужно учитывать археографическую традицию переводных памятников византийского права на Руси. Как уже говорилось, полный перевод Эклоги был включен в Чудовскую редакцию Кормчей книги, возникшую в Москве в XIV в. Новгородские, псковские, украинские и белорусские редакции кормчих книг XIV—XV вв. текста Эклоги не содержали⁶³. Видимо, наибольший интерес византийские переводные памятники вызывали на Северо-Востоке Руси. Может быть, это в известной мере объяснялось тем, что митрополичий стол вплоть до конца первой трети XV в. занимали лица, присланные из Византии, а новгородскими архиепископами обычно становились русские.

В целом учет византийского правового влияния на формуляр русских завещаний XIV—XV вв. позволяет лучше уяснить многие особенности формы, содержания, истории становления на Руси этой важнейшей разновидности исторических источников, конкретизирует наше представление о культурно-исторических связях Руси с Византией.

⁶² Рассмотренное выше завещание Федосьи дошло в составе сборника, в котором помещены типические образцы исходящих из митрополичьей канцелярии грамот. На образцовый характер завещания Федосьи указывает и предвещающий ее текст киноварный заголовок: «Как написать душевная, доложу святителя» (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. М., 1951, ч. II, с. 20—21; ОР ГИМ, Увар. собр., № 512, л. 191). Отсюда можно предположить, что написание грамоты после обращения к митрополиту и получения от него разрешения на составление письменного завещания в определенный период было сравнительно распространенным явлением.

⁶³ *Ščapov J. N.* Le droit romain oriental en Russie jusqu'au XVIe s. Nouveaux aspects du problème. — In: *Popoli e spazio romano o tra diritto e protezia* (Da Roma alla Terza Roma: Studi III). Napoli, 1985, p. 447—455.